

нении «Защитительная книга о I книге Сентенций, против Иоанна Скота» («*Liber propugnatorius super I Sententiarum contra Joannem Scotum*»), написанном, по данным Ф. Пельстера, после 1311 г. Он является автором еще двух трактатов — «О произведении субстанциальной формы» («*De productione formae substantialis*») и «О множественности форм» («*De pluralitate formarum*»); последний специально посвящен защите томистского учения о единстве формы в противовес воззрениям Генриха Гентского. Как и св. Фома, Томас из Саттона учил реальному различению сущности и существования в онтологии, а в психологии — различению души и ее способностей. С другой стороны, представляется, что он пошел гораздо дальше св. Фомы в вопросе пассивности интеллекта. С точки зрения Томаса, умопостигаемого самого по себе, без какого-либо иного посредника, достаточно, чтобы вызвать усвоение его интеллектом. Он объясняет это тем, что подобное усвоение совершается не интеллектом, а умопостигаемым; отсюда он заключает: «*Intellectus pop causat effective nec formaliter illam assimilationem quae est intellectio*»*. Это неожиданное усиление пассивного характера интеллекта, которое наблюдается также в сочинениях Годфруа из Фонтене, до сих пор не нашло вразумительного объяснения. К тому же непонятно, как это согласуется с тем, чему учил Томас из Саттона относительно действующего интеллекта. Его учение о воле также завершается констатацией сугубо пассивного характера этой способности. И здесь в согласии с Годфруа из Фонтене он исходит из принципа Аристотеля: все движущееся движимо другим, а значит, воля — это чистая потенция: «*Necesse est ponere voluntatem non esse actum sed puram potentiam nihil habentem de se activi*»**. Этот факт очевиден в отношении определения действия, когда воля движима определенным объектом; это подтверждается, хотя и по-другому, когда речь идет об осуществлении действия, потому что воля в принципе и по необходимости

движима благом. Здесь верно то, что это однажды заданное общее стремление к благу воля осуществляет сама в том или ином частном действии, но делает это лишь в силу принципа; верно то, что тот, кто имеет цель, должен иметь средства. Короче говоря, воля движется сама по себе не «effective», а «consecutive»***. Но здесь она свободна: «Поскольку она желает определенной цели (то есть в общем случае блага), она свободно желает того, что ведет к этой цели, побуждая интеллект судить об этом. А так как интеллект никогда не сформулирует совершенного суждения об объекте, то на него влияет воля». Необходимы более обстоятельные и очень тонкие аналитики, чтобы определить, насколько Томас из Саттона верен здесь Фоме Аквинскому.

Другой признак томистского влияния — реальное различение сущности и существования — приводит к аналогичным констатациям. Вошло в привычку считать «томистами» тех философов и теологов, одни из которых вовсе отбрасывают это фундаментальное положение, а другие трактуют его совершенно иначе, нежели св. Фома Аквинский. Эрве из Неделека (*Herveus Natalis*), избранный генералом Ордена доминиканцев в 1318 г., автор многочисленных трактатов, содержание которых до сих пор малоизвестно, был одним из тех доминиканцев, которые защищали св. Фому от нападков, исходивших как извне, так и даже изнутри Ордена. До нас дошел его трактат «Против сочинений Генриха Гентского, где содержатся нападки на Фому» («*Contra Henricum de Gande, ubi impugnat Thomam*»); Эрве выступил также против Якоба из Меца и Дюрана из Сен-Пурсена, и невозможно отрицать, что он находился под сильнейшим влиянием св. Фомы; но в его произведениях это влияние порой уступает место другим, причем в настолько важных вопросах, что его трудно причислить к какой-либо школе. Если «Сумма всей логики Аристотеля» («*Summa totius logicae Aristotelis*»), публикуемая в числе «Малых произведений» («*Opuscula*») св.